

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

кафедра новых медиа и теории коммуникации

**Теоретики медиа: новейшие подходы к исследованиям в сфере
коммуникации**

Выпускная квалификационная работа
студента IV курса дневного отделения

П.Е. ТОРКАНОВСКОГО

Научный руководитель:

зав. каф. новых медиа и теории коммуникации,

доцент, к.ф.н.

И.И. ЗАСУРСКИЙ

К ЗАЩИТЕ

_____/_____/

«__»_____ 201__ г.

Зав. кафедрой

К ЗАЩИТЕ

_____/_____/

«__»_____ 201__ г.

Москва 20__

АННОТАЦИЯ

В дипломной работе исследованы работы некоторых современных теоретиков медиа, рассматривающих различные аспекты функционирования медиа в контексте их политического влияния, проанализированы концептуальные и эпистемологические особенности исследовательских работ Геерта Ловинка, Тёна ван Дейка, Ника Срничека и Евгения Морозова.

Исследование направлено на то, чтобы продемонстрировать преемственность между современной теорией медиа и европейской политической философией и социологией XX века, в частности, критической теорией, разрабатывавшейся Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером. Основные положения могут быть использованы в образовательных курсах, связанных с изучением новейших подходов в коммуникативистике и теории медиа.

ABSTRACT

The graduation paper «Media theorists: the newest approaches in communication studies» examines the modern ways of analyzing media. The profound analysis of the works by Teun van Deyk, Evgeny Morozov, Nick Srnicek and Geert Lovink has been conducted in order to clarify the epistemological specialties of these researchers concerning their studies in the field of modern media.

The aim of this research is to demonstrate the connection between the newest approaches in media theory and the European sociology and political philosophy of the XX century and especially critical theory developed by such theorists as Theodor Adorno and Max Horkheimer. The main statements can be used in the educational programmes linked with the modern media theory and political impact of media functioning.

Работа _____ *написана* _____ *мною* _____ *самостоятельно*
и _____ *не* _____ *содержит* _____ *неправомерных* _____ *заимствований.*
« _____ » _____

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Критический дискурс-анализ Тёна ван Дейка	9
Глава 2. Евгений Морозов и политика в Интернете.....	19
Глава 3. Ник Срничек и исследования платформ (Platform Capitalism).....	35
Глава 4. Геерт Ловинк и критические исследования социальных медиа	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	65

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века стала эпохой расцвета исследований в сфере коммуникации. Бурное развитие технологий, возникновение массовой аудитории, радикальные изменения в теории искусства и в сфере гуманитарных наук в целом привели к тому, что возникавшие и один за другим набиравшие популярность технические устройства, предназначенные для коммуникации, оказывались не только продуктом, отражением общественной жизни, но и во многом определяющим элементом для её социокультурных практик. Для описания процессов, протекающих в медиапространстве, потребовался новый язык – и он был создан учёными, которые стали классиками коммуникативистики. Среди них – Маршалл Маклюэн, Фридрих Киттлер, Мануэль Кастельс, Уолтер Онг, Элвин Тоффлер, Гарольд Иннис и другие. Всё это – учёные-новаторы, работавшие на новом, мало исследованном ранее поле, границы которого только предстояло очертить. Для создания теории медиа исследователями привлекался опыт из самых разных смежных сфер: от биологии до литературоведения. Однако, пожалуй, наибольшее влияние на взгляды медиатеоретиков оказали социальные науки: политология, социология, философия. Достичь того понимания медиа, которое было сформулировано в работах учёных, заложивших основы медиаисследований, было бы невозможно без работ Вальтера Беньямина, Йохана Хёйзинга, Клода Леви-Стросса, позднее – Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё, Жана Бодрийера, представителей Франкфуртской школы.

К концу XX века теория медиа вышла на новый виток развития: возникновение и повсеместное распространение Интернета повлекло за собой серьёзную трансформацию общественных отношений, во многом предсказанную Маршаллом Маклюэном ещё в 1960-е годы, и тем не менее потребовавшую как нового концептуального осмысления, так и новых методологических подходов для анализа влияния человека на медиа и медиа на человека. Эти подходы начали

формироваться в 80-х годах XX века с развитием компьютерных технологий, кибернетики и структурного анализа, однако стали особенно популярны к началу XXI века, когда стало очевидно фактическое проникновение теории медиа в другие дисциплины. Уже ставшая мейнстримом исследовательская линия Маклюэна, эпистемологические рамки которой перенял, к примеру, Фридрих Киттлер, стала дополняться множеством концептуально альтернативных подходов к исследованию медиа: в этой связи можно упомянуть, например, и Мануэля Кастельса, разработавшего теорию информационной экономики и проследившего влияние технологических революций на макроэкономические показатели национальных государств, и совершенно иной подход Льва Мановича, задавшегося целью разработать программное обеспечение, которое позволило бы учёным-гуманитариям работать с массивами визуальной информации.

На сегодняшний день теория медиа значительно обогатилась работами исследователей, использующих различную методологию для анализа медиа и их влияния; возникло множество междисциплинарных отраслей, которые в той или иной степени близки теории медиа: это и Software Studies, и Digital Humanities, и Critical Code Studies, и Human-Computer Interaction (HCI), и многие другие исследовательские сферы. Интерес к ним неизменно растёт с ростом уровня проникновения медиатехнологий в нашу повседневную жизнь. Поколение Z, на протяжении всей своей жизни имевшее доступ в Интернет, очевидно, воспринимает и будет воспринимать мир иначе, нейросети и новые интерфейсы меняют мир уже сегодня, на наших глазах, и в связи с этим особенно ценными становятся наблюдения исследователей, работающих в синхронии с развитием технологий, тогда как адекватность, актуальность исследований возрастом более 5-7 лет существенно снижается.

И тем не менее, в полной мере декодировать смыслы, заложенные в работы современных исследователей медиа, невозможно без обращения к философским,

политологическим и культурологическим истокам коммуникативистики. В связи с этим, нам кажется особенно важным в рамках данной работы, прежде чем приступить к рассмотрению новейших исследований в сфере коммуникаций, представить краткий обзор философских основ, легших в основу современной теории медиа – на наш взгляд, их рассмотрение позволит выделить принципиально важную линию исследований, определяющую то, как учёные смотрят на медиа с середины XX века и по сегодняшний день. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретают мета-исследования, позволяющие сгруппировать и систематизировать ряд научных теорий по определенным признакам – в данной работе мы попытаемся представить пример такого исследования.

Объектом данного исследования являются теоретические концепции современных учёных-исследователей медиа, предметом – методология и эпистемологические основы их исследований.

Гипотеза данной выпускной квалификационной работы состоит в том, что некоторые современные исследования в сфере коммуникации сохраняют определенные концептуально-эпистемологические черты, позаимствованные теорией медиа из философии и социальных наук ещё в середине XX века; эти черты можно выявить и определить как «критический подход», основанный на критической теории, под которой в рамках данной ВКР будет пониматься «"теория, способная дать аналитическое и этическое обоснование, необходимое для выявления структуры явлений, лежащих в основе общественной практики, и раскрыть воплощенную в них возможную деформацию социальной жизни" (Шон Розенберг). Как теоретическое построение, стремящееся объяснить все явления сознания и поставить под сомнение способы, которыми сознание увековечивает существующие общества, она сложна и междисциплинарна. Наиболее тесно эта

теория связана с Франкфуртской школой (Frankfurt School), созданной в 1923 г»¹. В контексте данной работы нас особенно интересуют некоторые черты критической теории и критического подхода в целом, которые подчёркиваются Максом Хоркхаймером в его статье “Traditional and Critical Theory” (1937). В этой статье Хоркхаймер пишет: «Критическое мышление – это функция не изолированного индивида и не суммы индивидов. Её субъект – это только конечный индивид в его реальных отношениях с другими индивидами и группами, в его конфликте с определённым классом и, в конечном итоге, в сети взаимоотношений с социальной тотальностью и природой. Субъект – не математическая точка, как это в буржуазной философии; его активность – это конструирование социального настоящего»². Философ предлагает использовать критическую теорию не как сугубо научную отрасль, но как трансдисциплинарный научный и в то же время политический инструмент для борьбы за права угнетаемых масс; он противопоставляет её «традиционной теории», часто подверстывавшей наборы частных случаев для подтверждения общего правила, признание актуальности которого играло на руку исключительно буржуазии. Он упрекает традиционную теорию в том, что она зачастую не осмеливается признать некоторые исторические ситуации продуктом человеческой деятельности и человеческих отношений, позиционируя их как следствие «природных» явлений – что, с точки зрения Хоркхаймера, является иррациональным и негуманным. Человек, обладающий критическим мышлением, по мнению философа, обязан деконструировать и вскрывать общественные отношения (и в первую очередь, капиталистические

¹ Андерхилл Д., Барретт С., Бернелл П., Бернем П. и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. Критическая теория // Политика. Толковый словарь. М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир", 2001. Цит. по URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3785/КРИТИЧЕСКАЯ> (дата обращения: 01.05.2018).

² Critical Theory: Selected Essays / Horkheimer, M., translated by Matthew J. O'Connell and others. New York: The Continuum Publishing Company, 2002. С. 210-211.

торговые отношения) лежащие в основе различных социальных явлений, – и тем самым открывать глаза представителям угнетённых классов, которым определённая позиция традиционно навязывалась сверху – капиталом, отстаивать их права и развивать науку – так как истинные научные прорывы всегда приходили из плоскости трансцендентной критики.

При подготовке выпускной квалификационной работы мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Отобрать ряд работ современных исследователей медиа, изучающих процессы развития медиа, протекавшие в 2010-х годах;
2. Проанализировать концептуальные и эпистемологические особенности исследовательских работ Геерта Ловинка, Тёна ван Дейка, Ника Срничека и Евгения Морозова;
3. Сделать выводы о наличии/отсутствии в работах вышеупомянутых исследователей единой эпистемологической канвы, унаследованной теорией медиа от философии, социологии и политических наук в XX веке, канвы, которую можно связать с критической теорией, концепция которой впервые появляется в работах Макса Хоркхаймера;
4. Проследить за донесением идей современных теоретиков медиа до общества с помощью европейских и американских средств массовой информации.

Важно отметить, что данная выпускная квалификационная работа не представляет собой репрезентацию всех современных научных исследований в сфере теории медиа – анализ и компиляция всех работ в этой области и ряде смежных междисциплинарных областей представляется практически невозможным из-за постоянного увеличения количества исследований (и количества исследовательских областей). В связи с этим мы посчитали необходимым подчеркнуть, что в рамках данной работы мы будем рассматривать

труды тех учёных, которые занимаются исследованиями медиа не в традиционном для теории медиа понимании этого термина в духе Маршалла Маклюэна (как любые средства коммуникации), а в более узком, журналистском смысле – как совокупность средств массовой информации, Интернет-платформ и социальных сетей и текстов, которые производятся и распространяются с помощью данных каналов коммуникации.

Отбор работ теоретиков медиа, анализ идей которых представлен в данной работе, обусловлен, во-первых, хронологически (работы ван Дейка, Морозова, Срничека и Ловинка вышли после 2010 года); во-вторых, принадлежностью данных теоретиков к разным исторически сформировавшимся исследовательским подходам (в широком смысле этого слова): англо-саксонским исследованиям в случае Ника Срничека и Евгения Морозова и континентальным исследованиям в случае Геерта Ловинка и Тёна ван Дейка; в-третьих, диверсифицированностью работ данных исследователей, проявляющейся в разных объектах исследования (дискурсе в случае ван Дейка, государственном влиянии на развитие новых медиа в случае Евгения Морозова, медиаплатформах и бизнес-моделях современных цифровых платформ в случае Срничека, политических аспектах функционирования социальных медиа в случае Ловинка).

Научную значимость работы обуславливает недостаточная изученность, а зачастую и отсутствие перевода работ ряда «альтернативных» современных исследователей медиа на русский язык, а также необходимость в систематизации и анализе современных подходов к исследованию коммуникации.

Глава 1. Критический дискурс-анализ Тёна ван Дейка

Среди современных подходов к анализу медиатекстов в рамках данной работы нам важно выделить один, изначально не вписывавшийся в рамки социолингвистики, – критический дискурс-анализ. Автором данного термина выступил лингвист Норман Фэйрклау, о вкладе которого в формирование данного исследовательского подхода речь пойдёт ниже. Само название этого подхода отсылает нас, с одной стороны, к марксизму, критической теории Теодора Адорно и Маркса Хоркхаймера, а с другой – к понятию дискурса, введённого в широкий научный оборот одним из крупнейших французских мыслителей XX века Мишелем Фуко. Для рассмотрения этой методологии важно понимать, что закладывалось Мишелем Фуко в само понятие дискурса, как он пришёл к нему в результате своих исследований.

Наиболее доступное определение дискурса по Фуко, на наш взгляд, представлено в Новой философской энциклопедии: «Дискурс (от греч. Διέξοδος – путь, изложение, рассказ, лат. *discoursus* – беседа, аргумент, разговор; франц. *discourse* – речь) – в современной французской философии постмодернизма – характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и др. контексты... М. Фуко в "Археологии знания" разработал учение о дискурсивной формации как условии функционирования специфических дискурсивных практик со своими правилами, концептами и стратегиями. Все гуманитарное знание мыслится им как археологический анализ дискурсивных практик, коренящихся не в субъекте

познания или деятельности, а в анонимной воле к знанию, систематически формирующей объекты, о которых эти дискурсы говорят»¹.

К концу жизни понимание дискурса Фуко приведёт его к выводу об особой природе власти. Исследуя диспозитив власти, Фуко заявит, что вопреки традиционному восприятию власти как некоторой силы, которая находится на вершине социальной иерархии и имеет полномочия по ограничению в правах имманентно хаотической массы населения, власть следовало бы рассматривать как поле, а точнее, поля – то есть не как иерархическую вертикальную структуру, а как горизонтальную. Кроме того, власть реализуется не через ограничение прав, а напротив, через производство дискурса и уже последующий контроль над индивидуумом, находящимся на пересечении различных властных полей.²

Исследования Фуко оказали значительное влияние на, пожалуй, всю гуманитарную мысль XX века, в первую очередь на континентальную философию, (в частности, политическую философию), социологию, а в конечном итоге – и на лингвистику.

Термин «критический дискурс-анализ» впервые был применен в 1989 году – тогда было опубликовано исследование британского учёного-лингвиста Нормана Фэйрклау под названием «Language and Power», в котором освещались основные эпистемологические принципы данного теоретического подхода. Во введении к своей работе учёный заявляет: «У лингвистов, и в особенности у социолингвистов (которые, как говорят, занимаются "языком в его социальном контексте") есть что сказать насчёт языка и власти, но они, на мой взгляд,

¹ Новая философская энциклопедия, статья ДИСКУРС // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01bef374b672aabdae2e9dbe?p.s=TextQuery> (дата обращения – 03.12.2017).

² См. например Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.. М.: Касталь, 1996. С. 184-198.

уделили несправедливо мало внимания богатым и сложным взаимоотношения языка и власти. Например, существует множество исследований "стандартных" и "нестандартных" социальных диалектов и того, как уровень престижа, который отражается в употреблении того или иного диалекта, зависит от могущественности говорящего. Также существуют исследования того, как власть проявляется в диалоге и других формах общения людей, хотя их удивительно мало. Эти исследования в общих чертах описывают превалирующие социолингвистические представления о том, как неравномерно распределена власть, однако они никогда не проводились для того, чтобы *объяснить* эти представления как продукт властных отношений и борьбы за власть. Мысль в том, что социолингвистические представления находятся в дуалистической связи с властью: с одной стороны, они оформляют властные отношения, а с другой – они сами порождают новые властные отношения и порождаются ими»¹.

Взамен традиционному социолингвистическому анализу Фэйрклау предлагает критический дискурс-анализ – под «критическим» при этом он понимает то, что такой тип анализа будет выявлять скрытые в самом языке детерминанты властных отношений, которые незаметно для говорящего и слушающего могут навязывать ту или иную идеологию или же просто искусственно выстраивать социальную иерархию с помощью языка.

Для того чтобы продемонстрировать наличие или отсутствие таких детерминант в тексте, Фэйрклау предлагает поставить ряд вопросов, в равной степени уместных при анализе разговорной речи, публицистических или

¹ Fairclough N. Language and Power. New York: Longman Inc., 1989. С. 1. Цит. по URL: http://www.npu.edu.ua/%21e-book/book/djvu/A/iif_kgpm_Fairclough_Language_and_Power_pdf.pdf (дата обращения - 03.12.2017)

художественных текстов. В частности, Фэйрклау выводит следующие 10 вопросов, разбитые на три группы:

А. Лексика:

1. Какие связанные с содержанием коннотации есть в словах?

Например, есть ли в тексте идеологически окрашенные слова? Нет ли в нём многословия? Использует ли автор идеологически значимые конструкции (синонимические, антонимические и т.д.)?

2. Какие связанные с речевым актом коннотации есть в словах?

Использует ли автор эвфемизмы? Есть ли слова, характерные для формальной/неформальной речи?

3. Какие связанные с экспрессией слова есть в словах?

4. Какие метафоры используются?

Б. Грамматика

5. Какие связанные с содержанием грамматические конструкции используются?

Используется ли номинализация? Активный или пассивный залог? Положительные или отрицательные предложения?

6. Какие связанные с речевым актом конструкции используются?

Наклонение? Используются ли личные местоимения, «мы и вы» и другие?

7. Какие экспрессивные конструкции используются?

8. Как связаны простые предложения в тексте и между собой?

Тип связи (союзные/бессоюзные предложения, сложносочинённые/сложноподчинённые предложения)

В. Текстуальные структуры

9. Каковы взаимоотношения говорящих/взаимодействующих?

Может ли один человек контролировать ситуации, когда говорит другой?

10. Как организован текст на макро-уровне?

Выдержаны ли надтекстовые нормы, к примеру, «перевернутая пирамида» в журналистских текстах?

По мнению Фэйрклау, проводя такой анализ по отношению к разным текстам – от повседневной речи до текстов медиа – мы можем обнаружить различные типы доминирования и насилия, которыми пронизан язык: это сексизм, расизм, реклама, пропаганда идеологий и так далее. Текстам медиа, конечно, исследователь уделяет особое внимание, так как эти тексты способны формировать общественное мнение по значительному ряду вопросов.

Главным современным последователем Фэйрклау является исследователь Тён ван Дейк. В своём труде «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» он предлагает несколько другой подход к критическому дискурс-анализу. В частности, он замечает, что было бы адекватнее использовать термин «критические дискурс-исследования», а также отмечает, что слово «критический» в его работах связано с тем, что «отношения доминирования изучаются в обязательном порядке с точки зрения и в интересах подчиненной группы; опыт (участников) подчиненной группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса; дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы как нелегитимные; адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп»¹. Таким образом, можно говорить о том, что ван

¹ ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 24.

Дейк в большей степени наследует марксистскому пониманию критического и следует здесь за вышеупомянутыми мыслителями Франкфуртской школы – Хоркхаймером и Адорно.

Согласно ван Дейку, медиатексты имеют большой потенциал – они широко распространяются и влияют на массы людей. В такой ситуации СМИ могли бы стать «четвертой властью». Однако вследствие многих факторов, в том числе классовой принадлежности журналистов, необходимости производить контент за деньги, самой традицией производства медиаконтента, СМИ фактически оказываются на стороне власти, даже когда транслируют оппозиционное официальной повестке мнение. Ван Дейк прослеживает ряд неочевидных факторов, влияющих на формирование медиакартины дня: к примеру, в поисках новостей СМИ обращаются в традиционные институции (которые могут быть признаны доминирующими): в суд, полицию, банки и т.д. В то же время различные аут-группы: субкультуры, меньшинства, беженцы освещаются в медиа гораздо реже и обычно не то чтобы в негативном ключе, но в рамках стереотипов, сложившихся о той или иной аут-группе.

Любопытно при этом, что анализ ван Дейка показывает, что такая традиция репрезентации аут-групп присуща не только медиа развитых стран, но и медиа стран третьего мира, которые бездумно копируют западную модель журналистики. «Западный дискурс однозначно фокусируется лишь на некоторых типах событий и акторов, которые обычно представлены стереотипически, если не негативно: бедность, недостаток (нашего типа) демократии, диктатура, насилие и гражданские войны, технологическая и культурная «отсталость» (о современном освещении ислама см. Said, 1981). Downing (1980) утверждает, что лидеры стран «третьего мира» часто

изображаются очень предвзято, и им редко предоставляют возможность высказывать собственную точку зрения в СМИ»¹, – отмечает ван Дейк.

В результате компиляции и анализа ряда европейских социологических исследований, а также на основе собственных исследований ван Дейк делает вывод о том, что власть и дискурс теснейшим образом связаны: «Наш теоретический анализ и обзор литературы показывают, что власть, косвенно или прямо, и реализуется, и воспроизводится в дискурсе и посредством дискурса. Без коммуникации — текста и речи — власть в обществе вряд ли может быть реальна и легитимна. Власть предполагает знание, убеждения и идеологии, которые поддерживали и воспроизводили бы ее. Дискурс структурно выражает и транслирует эти ключевые условия воспроизводства на всех социетальных уровнях, во всех аспектах и контекстах»².

Особое внимание в своей работе ван Дейк уделяет проблеме расизма. По мнению ученого, «именно дискурсы повседневного общения и институциональной коммуникации служат для выражения, передачи, легитимации, а также сокрытия или отрицания существования расизма и межэтнической ненависти»³. При этом значительная часть людей, и в первую очередь элиты, склонны отрицать расистский характер собственной позиции. «Отрицание расизма представляет собой одну из стратегий позитивной внутригрупповой репрезентации. Законы, общественные нормы и моральные ценности запрещают людям выражать свои этнические предубеждения в резкой форме, а также дискриминировать представителей иных этнических групп в речах и текстах»⁴. Отрицание расизма также характерно для прессы – причем как для праворадикальной, так и для либеральной. Подобные отрицания «могут

¹ Ibid. – С. 80-81.

² Ibid. – С. 87.

³ Ibid. – С. 149

⁴ Ibid. – С. 151

передаваться имплицитно, путем выражения сомнения или дистанцированности. Как следствие и само понятие расизма, как правило, подается лишь в кавычках, в особенности, когда дело касается газетных заголовков. Такого рода закавычивание выходит за рамки набора журналистских инструментов для передачи противоречивых мнений и точек зрения. В ином случае и мнения, поддерживаемые газетой, передавались бы в таких же точно кавычках. Последнее случается довольно редко. Напротив, помимо того, что кавычки зачастую сигнализируют о сомнении и дистанцированности журналиста по отношению к выражаемой им информации, они также создают ощущение наличия некоего имплицитного "необоснованного обвинения" или заговора. Закавычивание слова "расизм" стало столь обыденной практикой, что зачастую, даже в тех случаях, когда акт расизма бывает официально признан полицией и судебной системой, консервативная пресса продолжает публиковать в заголовках слово «расизм» в кавычках просто по привычке»¹.

Большой исследовательский интерес представляет методология производства дискурса по ван Дейку. По мнению этого исследователя, при производстве дискурса говорящий человек опирается на когнитивные или ментальные модели, включающие личные знания и субъективное отношение к предмету речи, а также на контекстуальные модели, которые позволяют говорящему определить, знают ли слушатели ту или иную информацию и будут ли они готовы согласиться с мыслью рассказчика. Ван Дейк полагает, что контекстные модели имеют особенное значение для политического дискурса; он подтверждает свой тезис анализом речей английских и испанских политиков, выступающих в парламенте. Учёный приходит к выводу о том, что «теория контекстных моделей может также быть использована для эксплицитного

¹ Ibid. – С. 176-177.

анализа жанров политического дискурса. Разумеется, некоторые структурные характеристики жанров политического дискурса могут повторяться и в других типах дискурсов. Однако такие элементы контекста как дефиниция социальной сферы, ситуации, установок, обстоятельств, ролей, целей, мнений и эмоций участников, сохраняют специфический характер и указывают именно на политический дискурс. Следовательно, специфика политического дискурса как жанра, может определяться не только и не столько текстом, сколько контекстом»¹.

В финальной главе своей работы ван Дейк поясняет, почему применение критического дискурс-анализа и контекстных моделей является настолько важным междисциплинарным исследовательским подходом – дело в том, что именно этот подход позволяет вскрыть манипулятивный характер речи политиков, элит, журналистов, продемонстрировать то, как представители различных доминирующих групп имплицитно включают в свои высказывания дополнительные смыслы – и пытаются легитимизировать эти дополнительные смыслы, даже если они противоречат общественным нормам или нормам морали. Используя набор манипулятивных приёмов, властные группы способны навязывать своё мнение, неочевидно лгать, принижать идеологического оппонента и оправдывать собственные зачастую нетолерантные высказывания. Применение контекстных моделей для анализа конкретных речевых ситуаций позволяет исследователю выйти за рамки лингвистических исследований и зафиксировать более полную картину, что потенциально может позволить членам ныне подчинённых социальных групп выработать ряд приёмов по защите от дискурса, навязываемого элитами, часто пропитанного агрессивно навязываемой идеологией.

¹ Ibid. – С. 206.

Этот вывод и исследовательский подход в целом имеет особенное значение для журналистов, так как в очередной раз доказывает, что властные отношения в языке являются взаимно конституирующими по отношению к историческим и социальным процессам, и эти отношения могут быть трансформированы за счёт модификации языковых практик представителями СМИ, которые оказывают серьёзное влияние на общество. Потенциальное развитие мысли ван Дейка может быть таким: в будущем, вероятно, именно журналисты будут способны уничтожить отношения доминирования, изначально навязываемые им структурой языка, вследствие чего могут быть уничтожены и агрессивные доминантные властные отношения в повседневной и политической жизни¹.

¹ О связи дискурс-анализа и теории медиа см. также Kittler F. *Gramophone, Film, Typewriter*. Stanford, California: Stanford University Press, 1999. С. 19-20.

Глава 2. Евгений Морозов и политика в Интернете

Одним из современных исследователей, изучающих воздействие Интернета на политику, является белорусско-американский политолог и публицист Евгений Морозов. В одной из своих наиболее известных работ, книге «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети», Морозов описывает процесс закрепления в общественном сознании представления о том, что повсеместное проникновение Интернета неизбежно ведет к демократизации общества. По мнению Морозова, после распада СССР на Западе сформировалось устойчивое мнение, что главной причиной его распада стало влияние западной (и в первую очередь американской) культуры: распространение самиздата, диссидентские движения, «независимые» СМИ, спонсируемые правительством США, такие как «Радио Свобода» или «Голос Америки». Очень мало внимания как в прессе, так и в политологических исследованиях, уделяется влиянию внутренних проблем Советского Союза: экономических, социальных и прочих – на его дестабилизацию и последующий распад. Такая переоцененность сугубо информационного воздействия на политику ведет к возникновению массы вопросов, связанных с тем, какое именно влияние на авторитарные общества может оказать Интернет. Морозов заявляет, что «нынешний энтузиазм по поводу Интернета, который, в частности, якобы поможет нам "открыть" авторитарные "закрытые" сообщества, объясняется пристрастным, иногда неверным взглядом на историю. Её переписали так, чтобы воздать почести Рональду Рейгану, при этом игнорируя структурное состояние и внутренние противоречия советской системы»¹.

Для описания популярной сегодня позиции, согласно которой само проникновение Интернета в какой угодно стране может оказать оздоравливающее, демократизирующее воздействие на общество, Морозов

¹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 15.

вводит термин «киберутопизм», под которым он понимает «наивную веру в эмансипирующую природу онлайн-коммуникаций»¹. Происхождение этой веры исследователь видит в бурном развитии Интернета в 90-е годы, когда крупнейшие современные игроки на рынке цифровых технологий только начинали свои исследования и разработки, которые во многом были вдохновлены культурой хиппи 1960-х. Начинающие предприниматели из Кремниевой долины действительно верили в то, что с помощью их наработок им удастся не просто выручить прибыль или создать инструменты для более успешного функционирования общества и комфортной жизни индивида – они полагали, что с помощью технологий им удастся изменить сложившуюся социальную структуру, победить индивидуализм и сформировать активное и сильное гражданское сообщество, основанное на принципах взаимопомощи.

Подтверждением данной позиции Морозова, которое исследователь не приводит в рамках своей работы, но которое кажется нам важным в контексте данной работы, может быть «Декларация независимости киберпространства» одного из пионеров цифровых технологий Джона Барлоу. Приведем лишь одну показательную цитату из этого документа:

«Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства.

Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы. Они основаны на материи – здесь материи нет. Наши личности не имеют тел, поэтому, в отличие от вас, мы не

¹ Ibid. – С. 18.

можем достичь порядка посредством физического принуждения. Мы верим, что наш способ правления возникнет на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага»¹.

Киберутопистам действительно удалось добиться определенных изменений в том числе и в социальной структуре демократических обществ в странах с развитой экономикой. Однако, как полагает Евгений Морозов, в конечном итоге приверженцы этого мировоззрения «не смогли предугадать, как авторитарные правительства воспримут Интернет»². Киберутописты упустили из виду, что Интернет как технология может быть использован не только в демократических целях и не только сторонниками демократии: в частности, он открывает огромный мир новых возможностей для осуществления цензуры, тотальной слежки, пропаганды. «Парадоксально, но в своем нежелании видеть недостатки цифровой среды обитания, киберутописты приходят к умалению роли Интернета»³, – замечает Морозов.

Возможно, распространение такой точки зрения и не было бы само по себе проблемой, если бы эта позиция не определяла те меры, которыми руководствуются в своей деятельности правительства, общественные организации и прочие социальные институты. Для описания нового подхода, применяемого этими политическими акторами, Морозов вводит термин «интернетцентризм». «Интернетцентризм – не система воззрений, а скорее философия действия, которая объясняет, как принимаются решения, в том числе относящиеся к укреплению демократии, и как вырабатывается долгосрочная стратегия... Интернетоцентристам нравится отвечать на любой вопрос о демократических изменениях, формулируя ответ в терминах Интернета и не

¹ Манифест независимости киберпространства // URL: <http://www.dnn.ru/indep.htm> (дата обращения: 21.03.2018).

² Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 19.

³ Ibid.

принимая в расчет ситуацию, в которой эти изменения желательны. Они зачастую игнорируют в большой степени политическую природу техники и особенно Интернета и любят предлагать тактику, которая подразумевает, что логика Интернета (которую в большинстве случаев только они и способны постичь) сформирует среду, а не наоборот»¹.

Рассуждения Морозова вполне вписываются в логику британского документалиста Адама Кёртиса, который в фильме «Гипернормализация»² представляет своё видение воздействия технологий на политику в разных условиях и странах: в частности, Кёртис полагает, что несмотря на то, что новые технологии открывают возможности для распространения тех или иных идей или для организации масштабных забастовок, повышенная популярность социальных медиа оказывает негативное влияние на протестную политическую активность. Консолидированные массы людей, готовые принимать участие в том числе и в офлайн-акциях, оказываются неспособны реально воздействовать на политическую ситуацию в стране. Кёртис приводит два примера такого развития кризисной ситуации: серию акций в рамках движения «Occupy Wall Street» и Египетскую революцию 2011, когда на улицах оказалось довольно большое количество людей, однако вследствие отсутствия единой, конкретно сформулированной политической цели протестам не удалось увенчаться серьёзным политическим успехом, связанным с развитием демократии в стране.

Морозов же для иллюстрации своих выводов приводит в качестве примера иранскую революцию 2009 года. Когда в Тегеране начались массовые протесты, западные журналисты, описывавшие ситуацию, предпочли сосредоточиться на том, что акции оппозиции начались с призывов в Твиттере. Вероятно, все они

¹ Ibid – С. 21.

² Фильм доступен по ссылке URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fh2cDKyFdyU> (дата обращения – 21.03.2018)

ретранслировали позицию обозревателя Atlantic Эндрю Салливана, описывавшего столкновения в своём блоге и первым отметившего роль социальной сети в организации протестного движения. «Твиттер несет весть о революции», – заметил он, и именно эта позиция стала доминирующей как среди публицистов левых и правых взглядов, так и среди политиков. К примеру, Марк Пфайфл, заместитель советника Джорджа У. Буша по вопросам национальной безопасности тогда заявил, что «без Твиттера иранский народ не чувствовал в себе силы и уверенности для защиты свободы и демократии»¹.

Однако, несмотря на оптимизм киберутопистов, увидевших в иранских протестах очередное подтверждение того, что развитие технологий рано или поздно приведет даже самые закрытые и авторитарные общества к демократии, вскоре после выборов, прошедших в Иране, стало ясно, что оппозиции не удалось достигнуть того формирования новой демократической системы в стране, о котором грезило западное общество. Как замечает Морозов, западное убеждение в том, что новые технологии и консьюмеризм способны уничтожить авторитарные системы не оправдалось: в некоторых странах проникновение культуры потребления и новых технологий действительно оказало положительное влияние на развитие демократической политической культуры – например, в Словакии и в Сербии – но в других странах, например, в Казахстане и Беларуси, это проникновение имело абсолютно противоположный эффект. И тем не менее, убеждение в том, что «диктатуры, столкнувшиеся с достаточным количеством гаджетов, коммуникаций и иностранных грантов, обречены»², которое Морозов называет «доктриной Гугла», преобладало в американской внешней политике и в конце двухтысячных годов.

¹ A Nobel Peace Prize for Twitter? // The Christian Science Monitor URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2009/0706/p09s02-coop.html> (дата обращения: 21.03.2018).

² Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 30.

В конечном итоге эта иллюзорная победа Твиттера над авторитаризмом привела к неожиданным результатам. СМИ стало известно, что сотрудник Госдепа США связывался с представителями Твиттера, и, видимо, на волне публикаций о значимости этой социальной сети для жителей Ирана, попросил соцсеть перенести запланированные технические работы, чтобы поддержать манифестантов, использовавших Твиттер как основной канал для коммуникации.

«Связи заклятых врагов из правительства США с компанией из Кремниевой долины (услуги которой, согласно западным СМИ, пользовались большим успехом у иранцев) быстро вызвали у Тегерана подозрения, что Интернет – это инструмент западного влияния, а его цель – свержение иранского режима. Иранские власти вдруг перестали видеть в Интернете локомотив экономического прогресса или способ донести миру слова Пророка. Всемирная паутина предстала орудием, которым, конечно же, воспользуются враги Ирана. Неудивительно, что, как только уличные протесты прекратились, иранские власти взялись "зачищать" киберпространство»¹.

Твиттер и прочие социальные сети, благодаря которым западное общество узнало о протестах и поддержало демократическое движение, стали для иранских властей незаменимым источником информации об активистах. Фотографии и видео с митингов, которые получили широкое распространение в Интернете благодаря своей эмоциональности, позволили полиции вычислить и задержать десятки участников «Зелёного движения». Превентивные меры, такие как массовые рассылки с текстом, призывающим отказаться от участия в новых протестных акциях, также оказали серьёзное воздействие на темпы снижения активности и популярности протестного движения. Кроме того, у правительства Ирана появился новый аргумент в пользу вмешательства Америки во внутренние дела страны – аргумент, который оказался в равной степени популярен как среди

¹ Ibid. – С. 35.

сторонников режима, так и среди оппозиционеров, и который тут же был подвергнут гиперболизации: так, в иранских СМИ стала активно распространяться информация об американских хакерах, атаковавших лояльные президенту Ахмадинежаду сайты. Все эти инфоповоды повлекли за собой введение широкомасштабных рестриктивных мер по отношению к иранскому сегменту Интернета и к массовым задержаниям блогеров, которые в представлении массовой аудитории из безобидных хипстеров внезапно превратились в американских агентов, использующих Интернет для организации информационных диверсий.

Но самое главное даже не это. Морозов отмечает, что на фоне эйфории западного общества по поводу демократизирующего воздействия социальных сетей на авторитарные общества остались неслышанными голоса исследователей-скептиков, которые, в частности, заявляли, что роль Твиттера в формировании иранского протестного движения была во многом переоценена. Показательна цитата Мехди Яхънеджада, управляющего лос-анджелесского новостного сайта на фарси Valatarin: «Влияние "Твиттера" в Иране равно нулю... Здесь, [в США], много шума, но... его в основном производят сами американцы, обменивающиеся твитами друг с другом»¹. Другие исследователи отмечали, что значительная часть активности в социальных сетях пришлась на представителей иранской диаспоры, проживающих за пределами страны. А некоторые журналисты (например, Гольназ Эсфандиари) обратили внимание на том, что как минимум часть информации, распространявшейся через Твиттер, была заведомо ложной – как, к примеру, информация о том, что иранская полиция поливала протестующих кипятком и кислотой с вертолётов.

¹ Twitter Is a Player In Iran's Drama // Washington Post URL: : <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/16/AR2009061603391.html> (дата обращения: 21.03.2018)., цит. по Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 44.

Таким образом, можно говорить о том, что западный, и в первую очередь, американский оптимизм относительно будущего «твиттер-революций» не просто не оправдал себя, но оказался помехой на пути к адекватной оценке политической ситуации в конкретной стране, а своим следствием имел ограничение политических свобод в кибер-пространстве, причём не только в Иране, но и в других авторитарных странах, которые были обеспокоены тем, как западные дипломаты подчёркивают роль социальных сетей в организации протестных движений – к примеру, это привело к введению дополнительных ограничений в китайском, и без того не самом свободном сегменте Интернета.

По мнению Морозова, дискурс государства о политике в Интернете пронизывают отношения и метафоры, вошедшие в оборот во время холодной войны. Именно понятиями времен холодной войны, такими как «железный занавес», «стена», «империя зла» сегодня активно пользуются западные консервативные силы, для того чтобы убедить общество в необходимости активной борьбы за «свободный Интернет» во всем мире. Блогеры в этом контексте выступают новыми диссидентами, файерволлы – стенами, в которых можно пробивать бреши, чтобы дарить народам свободу. Однако, устанавливая такую прочную связь между гражданским обществом в Интернете и реальными политическими изменениями, мы опять-таки рискуем оказаться во власти иллюзорного представления о масштабах и силах оппозиционных движений. А при мобилизации этих движений, их переходе из онлайн в офлайн, мы можем с довольно большой долей уверенности ожидать, что авторитарные правительства не преминут применить против демократически настроенных протестующих вполне реальные насильственные меры: «Наивно думать, будто авторитарные правительства воздержатся от крутых мер из-за боязни быть обвинёнными в жестокости, даже если каждый их шаг будет заснят на камеру. Скорее всего, они просто научатся жить с этими обвинениями. Советский Союз, не колеблясь,

послал танки в Венгрию в 1956 году и в Чехословакию – в 1968. Китайцы вывели на площадь Тяньаньмэнь солдат, невзирая на существование сети факс-машин, с помощью которых оппозиционеры передавали информацию на Запад. Присутствие иностранных журналистов в Мьянме не удержало хунту от разгона марша буддийских монахов. Во время тегеранских событий 2009 года правительство, которому было известно, что у многих демонстрантов с собой мобильные телефоны, всё же разместило на крышах снайперов и приказало стрелять»¹.

Кроме того, по мнению Морозова, не стоит забывать и о том, что в отличие от самиздата, в котором публиковалась исключительно антиправительственная или не проходящая цензуру по тем или иным причинам информация, блогосфера – это среда, в которой есть как противники, так и сторонники действующих в стране авторитарных режимов. Это люди, которые искренне поддерживают все действия правительства или лишь некоторые (например, только внешнюю политику) – так что рассматривать всех блогеров как однородную массу оппозиционеров-диссидентов и проводить корреляцию между количеством блогеров и развитием демократических институтов в стране было бы как минимум неадекватным решением. Морозов полагает, что западное общество последовательно идеализирует население стран с авторитарным режимом, считая, что оно состоит исключительно из борцов за свободу, не имеющих инструментов для того, чтобы отстаивать свои права или заявить о своей позиции, – и наиболее подходящим инструментом, который Запад может вложить им в руки, является Интернет. Опираясь на ряд исследований, а также на исторический опыт регионов, которые были подвергнуты довольно большому количеству либерально-демократической пропаганды (к примеру, ГДР), Морозов замечает, что классическая массовая консьюмеристская культура, которая

¹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 86.

должна была показать населению авторитарных стран преимущества западной жизни, скорее отрицательно влияла на политизацию общества. Увлеченные и отвлеченные западной массовой культурой жители ГДР обращали меньше внимания на окружающие их политические ограничения и вместо того, чтобы активно отстаивать свои права на такой же уровень жизни, какой они видели на экранах, довольствовались просмотром развлекательных программ. По мнению Морозова, социальные медиа и распространение Интернета в целом может оказывать такое же воздействие на общество: не вдохновлять людей на демократические преобразования, но отвлекать их внимание от структурных социально-экономических проблем с помощью массового развлекательного контента и порнографии. Наиболее развитые власти стран с авторитарным режимом уже оценили вероятный исход развития социальных медиа, и потому не ограничивают доступ к Сети, а наоборот, способствуют развитию развлекательных проектов и приветствуют увеличение количества низкокачественного развлекательного контента.

Отметим, что Морозову во многом удаётся предвидеть развитие государственной политики относительно Интернета, в частности, в России. Так, на протяжении последних десяти лет, российское государство предпринимает множество усилий по демонстративному развитию сотрудничества с блогерами и продвижению Интернет-культуры в целом: от установки камер на избирательных участках, доступ к которым может получить любой пользователь Сети (и которые, тем не менее, никак не влияют на наличие нарушений на выборах, связанных, к примеру, с принуждением «бюджетников» к голосованию за конкретного кандидата) до создания совета блогеров при Государственной Думе (в который, естественно, не вошёл ни один автор блога, затрагивающий в рамках своей деятельности острые политические темы). Всё новые и новые иллюстрации и аргументы в пользу позиции Морозова мы видим каждый день:

это и проект «Движок»¹, и удаление сервисом Instagram фотографий Анастасии Вашукевич, более известной как «Настя Рыбка», под угрозой блокировки социальной сети².

Как замечает Морозов, несмотря на то, что по мнению некоторых экспертов авторитаризм с его цензурой, тотальным контролем и слежкой несовместим с существованием в стране доступа к Интернету (т.е. к такому массиву информации, который физически не может быть подвергнут цензуре), уже сегодня авторитарные государства начинают активно применять наработки, которые в будущем позволят отслеживать поведение пользователя и ограничивать доступ к тем или иным материалам для каждого конкретного гражданина. Так, уже сегодня существуют и активно применяются механизмы для распространения таргетированной рекламы, то есть рекламы, которая демонстрируется пользователю на основе данных, которые он предоставляет о себе, создавая почтовые аккаунты и аккаунты в социальных сетях, а также на основе его поведения в Сети (поисковых запросов и проч.). В будущем ничто не помешает правительствам авторитарных государств использовать схожий механизм для точечного ограничения доступа к информации: к примеру, на основе ключевых слов. Более того, такие технологии уже применяются, например, в Китае, где власти обязали учреждения и граждан установить на свои компьютеры программное обеспечение Green Dam, которое может блокировать доступ к сайтам, содержащим слишком много контента розового цвета, расценивая их как потенциально содержащие порнографический контент. Такого рода системы способны к самообучению, что открывает огромный потенциал для цензуры: «Как только программа поймёт, что некто набирает в поисковике слово

¹ См. URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/114/> (дата обращения – 25.03.18)

² См. URL: <https://www.ft.com/content/487ccb80-26a7-11e8-b27e-cc62a39d57a0> (дата обращения – 25.03.18)

"димакратия" вместо "демократия", чтобы обмануть цензоров, остальные пользователи воспользоваться этой лазейкой больше не смогут»¹.

Кроме того, существуют и альтернативные технологии для ограничения доступа к не про-властному контенту: например, нанятые государством программисты могут применять DDoS-атаки, не ограничивая напрямую доступ к сайту, однако оказывая тем самым давление на владельцев хостингов, на которых размещён сайт. Наиболее банальной и легкодоступной для властей технологией является подготовка проправительственных блогеров и политтехнологов, готовых отстаивать позицию властей в Интернете и выдумывать новые способы умирения Интернет-пользователей с помощью искусного и своевременного использования пропаганды (этот метод борьбы с инакомыслием применяется, например, в России и в Китае). Власти и сами могут попробовать сыграть на Интернет-поле, пример тому – Твиттер-аккаунт бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса, набравший огромную популярность и служивший для «очеловечения» образа бессменного лидера.

Интернет также способен оказывать разлагающее воздействие на пользователей, создавая у них иллюзию участия в политическом движении, деятельности благотворительных организаций или других гражданских НКО. В связи с тем, что значительная часть контента социальных сетей публикуется пользователями из желания *показаться* какими-то, многие ограничиваются «лайками» или в лучшем случае небольшими денежными пожертвованиями, которых часто бывает недостаточно. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, Морозов приводит пример Интернет-кампании за освобождение из тюрьмы египетского блогера Free Monem, на сайте которой было указано:

¹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 138.

«"ПОЖЕРТВОВАНИЯ НЕ НУЖНЫ – нужны действия", а на фоне нарисованы перечеркнутые логотипы Visa и Mastercard»¹.

Участие в сетевой политике может казаться привлекательным молодёжи, уставшей от неработающих, устаревших и коррумпированных классических демократических институтов. Однако реальные изменения на социальном, экономическом и политическом уровнях до сих пор зависят от офлайн-политики, полагает Морозов. Как бы нам не хотелось, чтобы посты в Твиттере, публикация записей с нарушениями на выборах, с проявлениями полицейского произвола оказали влияние на законы или на функционирование полиции в стране, они не способны поменять что-то до тех пор, пока за дело не возьмутся политики, не начнутся протесты и забастовки офлайн. «Иногда лучший способ способствовать созданию действенного общественного движения – загнать преследуемую группу в угол. Это не оставляет ей иного выбора, кроме инакомыслия и гражданского неповиновения. А ложный комфорт цифрового мира может привести к тому, что группа никогда не почувствует себя загнанной в угол»², – пишет Морозов.

Меры, принимаемые правительствами авторитарных государств в отношении Интернета, вполне соотносятся с политикой развитых демократических стран. Так, цензурные ограничения, связанные с ограничением доступа к контенту, разжигающему межнациональную или межконфессиональную рознь, пропагандирующему терроризм и так далее, на техническом уровне вполне соответствуют запрещениям доступа к тому или иному контенту в авторитарных странах (к примеру, доступа к группам, призывающим к разделению образования и религии). В обоих случаях власти имеют возможность сослаться на незаконность контента – и в результате

¹ Ibid. С. 244

² Ibid. С. 255

либеральные американские политики часто попадают в ловушку: их оказывается легко упрекнуть в лицемерии, либо сослаться на их же опыт в вопросе ограничения Интернета.

Морозов ссылается на замечания классика медиатеории Мануэля Кастельса, отмечая, что социальные связи, которые возникают в результате развития Интернета, не самоценны, как может показаться из речей политиков. В частности, он приводит следующую цитату: «Интернет – это и в самом деле технология свободы, – пишет Кастельс, – однако он может предоставить влиятельным кругам свободу для угнетения неосведомлённых»¹. По мнению Морозова, для того чтобы распространение Интернета реально способствовало демократизации, необходимо, чтобы в стране изначально соблюдались базовые права человека, на разных уровнях проводилась политика мультикультурализма, общество было достаточно толерантным – в противном случае (как в большинстве авторитарных стран) Интернет может стать дополнительным орудием в руках националистических и в целом антидемократически настроенных организаций.

Морозов также обращает внимание на то, что сегодня необходимо более внимательное изучение истории технологий и медиа, учитывающее социально-экономические последствия возникновения новых технологий. Так, Морозов подчёркивает, что в разное время с функционированием и телеграфа, и радио, и телевидения связывались большие надежды – им приписывалась способность радикально трансформировать общество, искоренить вражду и ненависть между народами, положить конец войнам. Современники полагали, что новые модели коммуникации, порождённые этими технологиями и связанные с более

¹ Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2003. Цит. по Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS, 2014. С. 320.

оперативным распространением информации, укрепят социальные связи между людьми – то же самое сегодня можно услышать от киберутопистов. И тем не менее, история показала, что распространение телеграфа вызвало усиление информационного шума, в своих целях его использовали не только борцы за свободу, но и преступники; радио в Америке вскоре было захвачено и монополизировано рядом крупнейших медиаконцернов, а в Европе стало инструментом коммунистической и фашистской пропаганды; одной из наиболее популярных программ на американском телевидении стало шоу с участием религиозных деятелей, и так далее. По мнению Морозова, исследователям и политикам необходимо учитывать этот опыт и критически подходить к нему, не позволяя своим восторгам по поводу скорости технологического развития преобладать над здоровой и рациональной критической оценкой потенциала Интернета как новой технологии и нового медиа.

Кроме того, что особенно важно для нас в рамках данного исследования, в отличие от классика американской коммуникативистики Говарда Рейнгольда, автора понятия «умная толпа»¹, Морозов критически настроен по отношению к потенциальному развитию коллективного сознания и интеллекта на базе цифровых технологий и сетей.

Два подхода, предлагаемые Морозовым, которые могут быть использованы для более объективного исследования политического потенциала Интернета, наиболее ярко раскрываются в послесловии к бумажному изданию книги. Учёный вводит понятие «киберреализм», под которым понимает такой подход к изучению Интернет-пространства и воздействию на него, который учитывает локальные социально-экономические, культурные и политические особенности

¹ Под которым понимается «общественная форма организации, ставшая возможной благодаря соединению вычислительных средств, связи, системы репутаций и знания своего местонахождения», см. Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 241.

стран и регионов. По его мнению, применение этого подхода поможет справиться с проблемой низкой эффективности и неадекватности интернетоцентризма. С другой проблемой – киберутопизмом – может помочь справиться киберагностицизм, мировоззрение, исходя из которого Интернет нельзя оценивать как исключительно освободительный или исключительно способствующий угнетению инструмент. Морозов отмечает, что трансформации наших взглядов, конечно, недостаточно для трансформации государственной политики в целом, однако главная цель его книги – развеять иллюзии пользователей и иных акторов как формирующих современную Интернет-среду, так и определяющих политический курс демократических и авторитарных государств относительно природы Интернета во всей её полноте.

Глава 3. Ник Срничек и исследования платформ (Platform Capitalism)

Если Евгений Морозов в рамках своих исследований отталкивается в первую очередь от природы политического действия и репрезентации политических механизмов в Сети, то канадский исследователь Ник Срничек в своих работах, описывающих функционирование современных медиаплатформ и цифровых корпораций, опирается на другие источники – в первую очередь экономические. По мнению Срничека, современное состояние индустрий, связанных с Интернетом, транспортировкой данных и торговлей ими, обусловлено традиционными капиталистическими механизмами, которые не претерпели радикальных изменений вследствие развития цифровых технологий, а, напротив, стали оказывать ещё большее влияние на современную экономику.

В своей работе «Platform Capitalism»¹ Срничек выделяет несколько основных этапов развития капиталистической экономики, оказавших влияние на бизнес-модели современных цифровых платформ².

Первый этап связан с послевоенным развитием капитализма (1950-1960-е гг.), когда повсеместно распространилась фордистская модель массового производства и начал формироваться глобальный рынок. Тогда американские предприниматели и промышленники, во многом доминировавшие на рынке после войны, впервые столкнулись с серьёзной конкуренцией со стороны Германии и Японии, активно развивавшими своё производство и предлагавшими продукцию по заниженным ценам за счёт меньших издержек по зарплатам сотрудникам. Эта конкуренция привела к тому, что крупнейшие компании перешли на новую бизнес-модель, которую можно назвать тойотистской – она связана с переходом от массового широкомасштабного производства гомогенных

¹ Srnicek N. Platform Capitalism Cambridge, UK ; Malden MA : Polity Press, 2016.

² Здесь и далее при работе над главой были использованы материалы книги Srnicek Nick Platform Capitalism Cambridge, UK ; Malden MA : Polity Press, 2016.

вещей к производству, максимально ориентированному на конкретного потребителя, при снижении издержек, увольнении «лишних» сотрудников и, при возможности, перенесении работы на аутсорс. Итогом этой трансформации стало формирование тренда, развитие которого мы можем наблюдать до сих пор: работа начала становиться всё более гибкой (нормой стало несколько раз менять место работы в течение жизни), зарплаты упали, на работников стало чаще оказываться давление со стороны менеджмента, а профсоюзы практически утратили свою значимость.

Второй этап развития капитализма связан с так называемым «бумом доткомов» или «пузырём доткомов» в 1990-е годы. Тогда, вдохновлённые перспективами, которые открывало развитие Интернета, американские (в первую очередь) венчурные инвесторы и крупные компании стали вкладывать огромные суммы денег в новые технологии, создание сайтов и техническое обеспечение коммуникаций. На пике коммерциализации Интернета венчурные инвестиции в телекоммуникации составили около процента от американского ВВП. В погоне за будущими выгодами, инвесторы часто применяли модель «рост важнее окупаемости» и вкладывали деньги в проекты, которые не только не окупались, но даже не приносили прибыль. Интернет, ранее не коммерциализированный, оказался оккупирован капиталистами, готовыми перегрызть друг другу глотки в погоне за деньгами. Годовые инвестиции в компьютерные и информационные технологии, составлявшие в 1980 году 50,1 млрд. \$, в 2000 году, на пике разросшегося экономического пузыря, составили 412,8 млрд. \$, отмечает Срничек. Одним из ключевых последствий возникновения экономического пузыря (помимо, конечно, формирования цифровой экономики как таковой) стала гибкая монетарная политика американского правительства, сохраняющаяся и по сей день.

Третьим ключевым для современной экономики этапом стал экономический кризис 2008 года. Тогда США были вынуждены принять срочные меры для нормализации ситуации – и в результате оказались в весьма неудобном положении: дефицит за 2007-2009 годы вырос с 160 млн. \$ до 1,412 млн \$. Однако вместо того, чтобы бороться с кризисом путём изменения фискальной политики, США предпочли использовать монетарные инструменты, что привело к увеличению госдолга. Незамедлительно последовавшие изменения в банковском секторе привели к тому, что инвесторам, ищущим сравнительно большой выручки, пришлось вкладывать деньги в проекты с очень высокими рисками – к примеру, в технические стартапы. К гибкой монетарной политике добавились и другие факторы, повлиявшие на современную экономическую систему: в частности, уход крупных компаний от налогов с помощью оффшоризации активов и вывод средств с корпоративных счетов. Это привело к тому, что в 2016 году объём средств на оффшорных счетах некоторых крупнейших технических компаний составлял более 90% от всех задекларированных средств.

	Резервы (в млрд. \$)	Резервы, хранящиеся в оффшорах (в млрд. \$)	Объём резервов в оффшорах (%)
Apple	215,7	200,1	92,8
Microsoft	102,6	96,3	93,9
Google	73,1	42,9	58,7
Cisco	60,4	56,5	93,5
Oracle	50,8	46,8	92,1
Amazon	49,6	46,8	92,1
Facebook	15,8	1,8	11,4
ИТОГО	568,0	462,7	81,5

(данные форм 10-Q и 10-K Комиссии по ценным бумагам и биржам за март 2016 года; приводятся по Nick Srnicek Platform Capitalism, С. 32)

Срничек отмечает, что в результате прохождения этих этапов развития в экономике сформировались новые модели ведения бизнеса: для крупных фирм – переход от огромных транснациональных концернов с миллионами сотрудников к гибким бизнес-моделям, подразумевающим минимизацию издержек в том числе за счёт увольнения части сотрудников и оффшоризации резервов; для государств (на примере США) – переход от ориентированности на широкомасштабное промышленное производство к своеобразному неокейнсианству в условиях ускоряющейся (вследствие ведения активной монетарной политики) инфляции; для работников – переход от постоянной занятости к прекарному, непостоянному труду, необходимости формирования

нескольких источников заработка для обеспечения более-менее стабильного дохода.

Все эти факторы являются фоном для распространения конкретной новой бизнес-модели эпохи продвинутого капитализма (advanced capitalism) – модели платформы, деятельность которой сконцентрирована вокруг извлечения, систематизации и использования данных. Хранение и добыча данных стали дешёвыми и простыми процессами, и сегодня компании используют данные для оптимизации производственных процессов, контроля работников, в качестве основы функционирования продуктов и сервисов (таких, как, например, Siri или Google Maps) и, конечно, для продажи рекламодателям.

Срничек определяет платформу как «цифровую инфраструктуру, которая позволяет двум или более группам взаимодействовать тем или иным образом. Такая инфраструктура позиционирует себя как посредника, соединяющего разных пользователей: потребителей, рекламодателей, провайдеров, производителей, поставщиков и даже физические объекты. Чаще всего платформы включают набор инструментов, позволяющих пользователям создавать собственные продукты, сервисы и рынки»¹. Неотъемлемой характеристикой капиталистических платформ является их опора на сетевые эффекты: чем больше людей пользуются платформой, тем выше её цена. Вследствие этого, распространение платформ может вести к монополизации рынков. Для успешной монетизации платформы часто применяют модель, при которой одна группа платит за бесплатные или почти бесплатные услуги для другой. Так, к примеру, Google предоставляет потребителям бесплатную услугу – электронную почту (что способствует привлечению новых пользователей), а зарабатывает на доходах от работы с другой группой – рекламодателями. При этом, по мнению Срничека, несмотря на то, что платформы позиционируют себя

¹ Srnicek N. Platform Capitalism Cambridge, UK ; Malden MA : Polity Press, 2016. С. 44.

как нейтральные площадки для взаимодействия, каждая из них так или иначе включает политический элемент, который проявляется в интерфейсе и правилах, по которым осуществляется взаимодействие, создаётся продукт или сервис. Право на установление этих правил всегда остаётся за владельцем платформы – и, несмотря на публичную позицию посредника, платформы получают возможность не только контролировать и использовать потоки данных, но и определять правила игры, правила взаимодействия. К примеру, архитектура Facebook позволяет разработчикам и компаниям создавать страницы и приложения таким образом, чтобы привлекать ещё больше пользователей.

Срничек выделяет пять основных типов современных платформ, которые можно охарактеризовать как «капиталистические»:

1) Рекламные платформы (например, Google, Facebook) – платформы, которые собирают данные пользователей, анализируют их и продают рекламные площадки на основе этого анализа.

2) Облачные платформы (например, Amazon Web Services, Salesforce) – платформы, которые владеют аппаратурой и софтом, необходимым для ведения бизнеса в цифровой среде, и зарабатывают на сдаче их в аренду.

3) Индустриальные платформы (например, Siemens, General Electric) – платформы, которые производят аппаратуру и софт, необходимый для трансформации традиционного производственного процесса в связанный с Интернетом процесс, а также для превращения благ в услуги.

4) Продуктовые платформы (product platforms) (например, Spotify, Rolls Royce) – платформы, выручка которых формируется за счёт превращения традиционных благ в сервис и взимания денег за аренду или на основании подписки.

5) Бережливые платформы (lean platforms) (например, Uber, Airbnb) – платформы, которые пытаются минимизировать издержки за счёт отказа от собственности и заработать за счёт демпинга.

Срничек замечает, что эта классификация условна – зачастую одна фирма может сочетать элементы разных типов платформ, сегодня так уже делает, например, Amazon.

Все вышеуказанные типы платформ возникли в результате закономерного движения общества и экономики по капиталистическому пути. Несмотря на нововведения, связанные с концентрацией на сборе и обработке данных и трансформацией внутренней структуры компаний, цифровые платформы и сегодня не являются теми «победителями неравенства», какими их принято считать. Напротив, эти нововведения привели к тому, что неравенство между высококвалифицированными сотрудниками, занимающими руководящие посты в капиталистических платформах, и низкоквалифицированными сотрудниками, которые номинально перестали числиться в штате и оказались вынуждены нерегулярно заниматься низкооплачиваемой технической деятельностью, лишь возросло. И это касается не только «бережливых платформ», которые по определению стремятся отдать на аутсорс все возможные процессы и снять с себя ответственность (так, к примеру, Uber снимает с себя ответственность за обучение водителей, обслуживание машин и их закупку – и фактически отдаёт всю непосредственную работу по оказанию услуг в ведение получающих сравнительно небольшую зарплату таксистов, тогда как сама компания получает многомиллионные доходы исключительно за счёт контроля над платформой и сбора денег), но и всех остальных типов платформ – например, модерацию контента социальных сетей Twitter и Facebook в 2014 году осуществляли более 100 000 рабочих на Филиппинах, вручную отбиравших и удалявших посты пользователей, содержащие непристойные фотографии и прочий контент,

нарушающий правила сетей¹. Таким образом, формально компании могут избежать обвинений в капиталистической эксплуатации работников, однако на практике класс работников оказывается в ещё более незащищённом положении, чем то, в котором он находился до начала экономических реформ 1970-х. Срничек вспоминает Маркса, писавшего в первом томе «Капитала», что «поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства»². Найти достойно оплачиваемую работу даже сотруднику с высшим образованием становится всё сложнее, а средняя продолжительность времени без работы увеличивается, отмечает Срничек, опираясь на данные Бюро Статистики Труда США. В «бережливых платформах», до сих пор работающих по модели «рост важнее окупаемости», зарабатывающих в основном на инвестициях и, следовательно, не приносящих стабильного дохода, нередки случаи занижения выплат сотрудникам. В целом же, по мнению Срничека, экономика, опирающаяся на этот тип платформ, представляет собой не авангард экономической мысли, призванный наконец вылечить капитализм, а сливной бачок для прибавочного капитала в эпоху ультранизких учётных ставок и отсутствия убедительных инвестиционных возможностей. Речь идёт не о конце неравенства, порождённого правом собственности, но, напротив, о концентрации прав собственности по мере того, как модель платформы внедряется компаниями, занимающимися промышленностью, логистикой, дизайном, то есть теми индустриальными сферами, которые лежат в основе почти каждого предприятия.

Таким образом, доказывает Срничек, стремление к концентрации, монополизации рынка заложено в самой сущности капиталистических платформ.

¹ The Laborers Who Keep Dick Pics and Beheadings Out of Your Facebook Feed // Wired URL: <https://www.wired.com/2014/10/content-moderation/> (дата обращения: 23.04.2018).

² Маркс К. Г. Капитал Т.1 гл. 19, С. 566 приводится по URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-19.html#p561> (дата обращения: 23.04.2018).

Масштабы монополий, формирующихся на наших глазах, впечатляют: к примеру, в 2016 году доходы от продажи рекламы Facebook, Google и Alibaba составили половину от всех рекламных доходов в Интернете в мире¹. Капитализм как экономическая система может вести не только к формированию монополий, но и предоставлять средства для повышения конкуренции. Изменение, которое привносит современная экономика, заключается в том, что традиционная конкуренция, основанная на соотношении затрат и цен, сегодня теряет свой смысл (в том числе из-за того, что значительную часть услуг капиталистические платформы готовы предоставлять бесплатно). Ей на смену приходит конкуренция в сфере добычи, хранения и анализа данных – именно в эти сферы вкладываются крупнейшие платформы, борющиеся за доминирование на рынке. Срничек выделяет четыре основные тенденции, которые формируются сегодня вследствие активной конкурентной борьбы на этом поле:

1) Экспансия в сфере извлечения данных – основным источником дохода для современной капиталистической платформы является информация о поведении пользователя, которую необходимо собрать и обработать. Некоторые исследователи полагают, что качество информации при этом не так важно, как её количество² – современные платформы стремятся отслеживать каждый шаг пользователя и использовать информацию об этих шагах в своих целях. Чтобы получить больше данных, компании готовы инвестировать огромные суммы денег в проекты, на первый взгляд нацеленные на удовлетворение человеческих нужд, однако чья главная функция на деле состоит в сборе и анализе информации о пользователе – речь идёт о таких проектах, как Nest («умная» система обогрева

¹ См. Burson-Marsteller. 2016. “Net Display Ad Revenues Worldwide, by company 2014-2016” URL: <http://www.primaonline.it/wp-content/uploads/2016/03/twitter-ad-share1.jpg> (дата обращения: 02.05.2018).

² См. Zuboff S. Big other: surveillance capitalism and the prospects of an information civilization // Journal of Information Technology. 2015. №30. С. 79. — URL: <http://cryptome.org/2015/07/big-other.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

домов, финансируемая Google), Echo (устройство для получения информации, помещаемое в доме – финансируется Amazon), уже существующих Siri, Google Now и набирающей популярность технологии Smart TV. Apple Watch, фитнес-трекеры и даже проект Oculus Rift, приобретённый Facebook, содержат программное обеспечение, постоянно собирающее данные о владельцах и передающее эти данные платформам¹. Чаще всего стратегия компаний заключается в сборе данных о пользователях, откате ПО и принесении извинений в случае возникновения скандалов, но не в предварительном уведомлении пользователя.

2) Экспансия платформ внутри экосистем через завоевание ключевых позиций на первичных рынках (связанных с технологиями, аппаратурой и интерфейсами) – примером может служить борьба между Google и Apple на рынке ПО для смартфонов (выигранная Google за счёт обеспечения бесплатной лицензии на Android для производителей смартфонов), доминирование интерфейса Google на рынке поисковиков или попытки Facebook бороться на рынке e-commerce за счёт создания внутреннего интерфейса для проведения транзакций. Фактически речь идёт о борьбе интерфейсов. Результатом этой борьбы становится то, что крупнейшие платформы, изначально создававшиеся для различных целей, приобретают одинаковый функционал и оказываются прямыми конкурентами – какими уже сегодня являются Facebook, Google, Microsoft, Amazon, Alibaba, Uber, General Electric и прочие крупные капиталистические платформы.

3) Удержание пользователей на отдельных платформах с целью сохранить и преумножить количество данных о конкретном пользователе – наиболее ярким примером проявления этой тенденции является политика Apple, заключающаяся

¹ Oculus 'Always On' Services and Privacy Policy May Be a Cause for Concern (Updated) // UploadVR URL: <https://uploadvr.com/> (дата обращения: 24.04.2018).

в производстве аппаратуры и технологий, совместимых практически исключительно между собой. Другим примером может служить Facebook, затягивающий пользователей и предоставляющим им значительное количество возможностей в рамках собственной экосистемы и в случае, если у пользователя установлено необходимое ПО от Facebook.

4) Переход от открытого Интернета к закрытым приложениям – по мере того, как всё больше пользователей заходят в Интернет со смартфонов, платформы стремятся обособить свои приложения, сделать их независимыми от внешних и публичных структур. Dropbox пытается отделиться от Amazon Web Services, Uber – от сервиса Google Maps и так далее. Логическим развитием этой тенденции может быть отказ цифровых компаний от разработки новых компьютерных технологий как таковых и концентрация на развитии и монетизации тех сервисов, которые они уже предоставляют. Закрытость становится орудием в конкурентной борьбе. По мнению Срничека, итогом проникновения капиталистических механизмов в Интернет вполне может стать фрагментация Сети.

Все эти тенденции могут неутешительно сказаться на будущем в первую очередь самих капиталистических платформ. Пока в мире остро стоит проблема сверхпроизводства и последующего обесценивания товаров, Интернет как промышленная отрасль может быть привлекателен для венчурного капитала – однако вероятность того, что в долгосрочной перспективе платформам удастся выйти на самоокупаемость кажется весьма низкой, так как ни одна из них не трансформирует сам процесс производства – все они могут привлечь дополнительные деньги лишь за счёт минимизации цен и издержек. Модель «бережливых платформ» не позволяет высококвалифицированным сотрудникам успешно работать, имея стабильный доход, и уже сегодня оказывается, что им выгоднее работать самостоятельно. Низкоквалифицированные сотрудники же

прямо сейчас начинают бороться за свои права – примером может служить возникновение профсоюза водителей Uber, организация Uber-забастовок и так далее; это в целом закономерное развитие профессиональной культуры ведёт к тому, что издержки капиталистических платформ будут только расти. Вряд ли надеждой капитализма можно считать Uber, компанию, потерявшую миллиард долларов за год в результате борьбы с другой убыточной китайской компанией по заказу такси¹, замечает Срничек.

Рекламные платформы могут столкнуться с другой проблемой – их зависимость от рекламной индустрии (доходы от рекламы составляют 89% доходов Google и 96,6% доходов Facebook) может обернуться для них большими проблемами. Темпы роста рекламного рынка в Интернете начинают снижаться уже сейчас, а распространение блокировщиков рекламы, ботов, накручивающих просмотры, и спама лишь подливают масла в котёл. Использование блокировщиков рекламы выросло на 41% в 2014 году (и снизило потенциальные рекламные доходы на 21,8 миллиарда долларов) и на 96% в 2015 году. Срничек предлагает сравнить эти цифры с рекламными доходами Facebook, в 2014 году составившими около 11,5 миллиардов долларов, – и убедиться в том, что эта проблема не является малоактуальной для индустрии². Компании тратят деньги на борьбу с этими технологическими трендами, однако встаёт серьёзный вопрос: неужели действительно лучшим способом траты общественного благосостояния являются вложения в гонку в рекламной индустрии, по сути не производящей никаких благ? Сочетание нерегулярных выплат и растущего неравенства может

¹ Jourdan Adam, Ruwitch John Uber losing \$1 billion a year to compete in China URL: <https://in.reuters.com/article/uber-china/uber-losing-1-billion-a-year-to-compete-in-china-idINKCN0VR1M9> (дата обращения: 24.04.2018).

² Срничек опирается на данные McKinsey and Company: Global Media Report 2015. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/dotcom/client_service/Media%20and%20Entertainment/PDFs/McKinsey%20Global%20Report%202015_UK_October_2015.ashx (дата обращения: 24.04.2018).

привести к тому, что в будущем нас ждёт значительно более масштабное цифровое разделение. В случае же экономических потерь, связанных с напряжённой ситуацией в рекламной индустрии, крупнейшие капиталистические платформы могут быть вынуждены отказаться от своих экстравагантных долгосрочных проектов, таких как создание дронов, развитие виртуальной реальности, проектирование беспилотных машин и так далее, чтобы вернуться к развитию своего главного бизнеса.

Срничек даёт следующий прогноз относительно будущего капиталистических платформ: как бизнес-модель они и далее будут распространяться в разных экономических сферах; параллельно они будут становиться всё более и более закрытыми. Платформы, зависящие от рекламных доходов, со временем будут превращаться в сервисы, обеспечивающие прямые платежи. «Бережливые платформы» либо обанкротятся, либо превратятся в продуктовые платформы (что уже сейчас пытается сделать Uber, вкладывая деньги в разработку беспилотных машин). В конце концов, кажется, что капитализм платформ изначально предполагает движение в сторону извлечения прибыли из обеспечения услуг (в форме облачных платформ, индустриальных платформ или продуктовых платформ). В этом смысле, Amazon является более современной компанией, чем Google или Facebook. Модель, при которой платформа может компенсировать затраты на услуги, предоставляемые одной группе за счёт другой группы, обречена на провал – результатом её краха может стать ещё больший разрыв между людьми, имеющими деньги для доступа к определённым Интернет-сервисам и людьми, не имеющими на это денег.

Срничек полагает, что выходом из ситуации может быть создание общественных платформ, принадлежащих людям и находящихся под контролем общества, будучи при этом независимыми от государственного аппарата слежки. Формирование таких посткапиталистических платформ может быть достигнуто

за счёт коллективизации платформ и использования накопленных данных для распределения ресурсов, внедрения демократических механизмов и стимулирования дальнейшего технологического развития.

Глава 4. Геерт Ловинк и критические исследования социальных медиа

Голландский Интернет-критик Геерт Ловинк на протяжении более 20 лет исследует развитие Интернета, экономическое и политическое значение социальных сетей и перспективы новых медиа. Он возглавляет академическую организацию Institute of Network Cultures, объединяющую учёных из разных отраслей и стран, которые занимают критическую позицию по отношению к механизмам Интернета и вырабатывают критические теории интерпретации социальных взаимодействий в Сети.

За время своей исследовательской деятельности Ловинк концептуализировал и анализировал различные аспекты функционирования медиасреды. Он предложил теорию «тактических медиа», давал психоаналитическую интерпретацию развитию Интернета, критиковал капиталистические платформы, призывал к отказу от Facebook, применял методологию континентальной философии для осмысления роли новых медиа в политическом процессе, исследовал политический потенциал современного искусства и значение криптовалют.

Вышеупомянутая теория «тактических медиа» является одной из ключевых для Геерта Ловинка, и, несмотря на то, что она несколько устарела (знаменитый манифест «The ABC of Tactical Media» был написан учёным ещё в 1997 году), мы считаем необходимым начать разговор об исследователе, упомянув эту, возможно, не слишком знакомую русскому читателю теорию. Под «тактическими медиа» Ловинк понимает новый тип DIY-медиа, возможность существования которых определили доступность новых технологий для распространения информации, возникшая с появлением Интернета, и формирование групп пользователей, которые по тем или иным причинам оказались исключены из мейнстрим-культуры потребительского поведения в

Интернете. «Тактические медиа не только сообщают о событиях, они всегда принимают участие в них – и именно это отделяет их от мейнстрим-медиа»¹. Тактические медиа для Ловинка являются этическим и эстетическим оружием в борьбе против монополий в Интернете, а типичными создателями, авторами и героями таких медиа являются «активист, кочующие медиа-воители (Nomadic media-warriors), пранкер, хакер, уличный рэпер, камикадзе с видеокамерой». Главной целью тактических медиа является создание антидота против «неопровергаемой власти денег над людьми».

В своей более поздней работе – книге *Social Media Abyss* (2016) Ловинк называет одной из главных целей деятельности Института Сетевых Культур (Institute of Network Cultures) исследование конкретных онлайн-сервисов, таких как поисковики, социальные медиа, Википедия и видеохостинги². По его мнению, сегодня актуальна «берлинская» стратегия борьбы с инфраструктурой слежки: она заключается в создании некой критической массы гражданских НКО, ведущих ту или иную деятельность в исследовании технологий (с гуманитарных и критических позиций), чтобы безудержно атаковать разум буржуазии нескончаемым потоком новых научных открытий³. Ловинк подчёркивает, что проблема, которую он пытается решить, заключается не в вездесущности Интернета, но в его неразличимости – уже сегодня логика интерфейсов, задаваемая некими успешными предпринимателями из Кремниевой долины, во многом определяет нашу повседневную жизнь – и создаёт у людей впечатление, что они не в силах преодолеть предписываемые этой логикой рамки. В этом смысле ключевые для пионеров Интернета понятия,

¹ Здесь и далее в абзаце приводятся цитаты из Lovink, G. *The ABC of Tactical Media* URL: <http://www.nettime.org/Lists-Archives/nettime-1-9705/msg00096.html> (дата обращения: 01.05.2018).

² Lovink, G. *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge: Polity Press, 2016. С. 20.

³ *Ibid.* С. 22.

такие как «децентрализация», «сети», «peer-to-peer», потеряли сегодня всякий смысл – и именно поэтому так важна сегодня критика Сети, позволяющая визуализировать те властные отношения, которые заложены в механизмах функционирования социальных медиа – чтобы впоследствии трансформировать или заменить их.

Ловинк относит свои исследования к европейской критике Интернета, которая отличается от американской тем, что делает упор не на моральные аспекты капиталистического злоупотребления вниманием пользователей со стороны создателей интерфейсов и медиаплатформ, которое ведёт к ощущению одиночества, снижению уровня креативности и т.п.¹, а на экономический, политический и социокультурный контекст, в котором происходят изменения в технологиях и медиа.

Любопытно, что в данном разделении можно усмотреть параллель с историческим материализмом – в некотором смысле, развивая эту аналогию, можно предположить, что в основу данного деления легло марксистское представление о соотношении базиса и надстройки. В таком случае не кажется случайностью, что европейские медиаисследователи и философы, в силу исторических особенностей развития более глубоко усвоившие марксистскую политэкономия, апеллируют с одной стороны к материальным аспектам влияния медиа на общество², а с другой стороны – к дискурсу, окружающему медиа, тогда как их американские коллеги, имеющие более широкий бэкграунд в а) социологии и б) моральной философии предпочитают апеллировать к данным психологических и социологических исследований и доводам морали.

¹ См. например работы Джарона Ланье, Николаса Карра, Эндрю Кина.

² А также к материальной стороне коммуникации – примером может служить ставшая классикой медиатеории книга Фридриха Киттлера «Gramophone, Film, Typewriter».

По мнению Ловинка, современные «социальные медиа» (социальные сети и иные медиапроекты) разрушают смысл самого понятия «социальность» в его изначальном значении, в котором оно было неразрывно связано с социальными вопросами, обществом, осуществляющим политическую деятельность и сформированном на основе прочных межчеловеческих связей, социализмом. Социальное социальных медиа имеет дело не с человеком или гражданином, носителем определённых прав и обязанностей, в том числе, политических, но исключительно спекулирует на образе пользователя как потребителя, усваивающего информационный контент и удовлетворяющего своё эго за счёт публичной саморепрезентации, в то время как владельцы медиапроектов наживаются на внимании и времени этих пользователей, продавая его рекламодателям как ресурс, на который они имеют полное право. Ловинк пишет: «Нам необходим сдвиг от экономики внимания к Интернету намерений. Стратегия в этом случае должна заключаться в кристаллизации социального с помощью "сетей с последствиями". Современные архитектуры социальных медиа только фиксирует стоимость (с позиций бизнеса). Они отслеживают события и превращают новости в товар (который они не производят) для аудиторий, чьи предпочтения могут быть проданы тому, кто даст за них больше денег... Предлагаемое мной решение этой проблемы заключается в формировании сфокусированных групп пользователей (также их можно назвать «организованными сетями»), которые могут функционировать вне экономики лайков и её слабых связей»¹.

Один из наиболее интересных тезисов Геерта Ловинка в контексте данной исследовательской работы заключается в том, что эпоха новых медиа завершилась в 2013 году, когда Эдвардом Сноуденом были опубликованы

¹ Lovink, G. *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge: Polity Press, 2016. С. 32-33.

документы, подтверждающие связь между Агентством Национальной Безопасности США и крупнейшими телекоммуникационными компаниями, а также такими IT-корпорациями, как Google и Yahoo. По мнению учёного, в момент раскрытия этой связи мы вернулись в эпоху до 1984 года, года, который связан не только с именем Оруэлла, но и с запуском в продажу компьютера Mac, что положило начало эпохе персональных компьютеров. Если до 1984 года компьютеры использовались в основном спецслужбами и корпорациями для осуществления различных рабочих операций, в первую очередь, связанных с подсчётом большого объёма данных, и потому чаще всего были оснащены одним и тем же ПО для осуществления операций и обеспечением контроля за их осуществлением, то сегодня, в эпоху пост-ПК, слежка осуществляется не на уровне компьютеров, а на уровне серверов и облачных хранилищ – что, во-первых, открывает дополнительные возможности для использования личной информации пользователей в политических целях, а во-вторых, создаёт иллюзию безопасности, независимости и свободы.

Вовлечение представителей социальных медиа в политический процесс характерно не только для США. К примеру, в России широко распространена практика сотрудничества между социальной сетью «ВКонтакте» и ведомствами, осуществляющими надзор за соблюдением закона об экстремизме в Интернете. Российские журналисты сообщают о том, что «сотрудники полиции ищут соответствующие записи в социальных сетях – в основном во «ВКонтакте». Сеть, которая принадлежит Mail.Ru Group и которой ежемесячно пользуются около 97 млн человек, удобна для силовиков, поскольку тесно сотрудничает с правоохранительными органами и по запросу предоставляет необходимую информацию. Как отмечает директор аналитического центра «Сова» Александр Верховский, половина приговоров в Интернете – это приговоры за материалы во «ВКонтакте»: соцсеть имеет российскую администрацию, и получить данные

человека правоохранительным органам легче, чем в случае обращения к Facebook или Twitter. Так же, как и «ВКонтакте», поступает и почтовый сервис Mail.ru: в распоряжении Republic есть материалы нескольких уголовных дел, при расследовании которых изучалась почтовая переписка пользователей; администрация сервиса предоставила ее оперативникам по первому же требованию»¹. Особенное положение России в данной ситуации может быть связано исключительно с отсутствием изначально заданного экономико-политического позиционирования медиаплатформ – создатели социальных медиа в России никогда раньше не заявляли о намерении отстаивать какие-либо гуманитарные ценности и трансформировать общество. Ситуация меняется на наших глазах: борьба пользователей с Роскомнадзором за право пользоваться мессенджером Telegram в этом смысле открывает большие возможности для проявления активности со стороны художников, хакеров, обычных пользователей и тех самых «организованных сетей», которые как концепция впервые появились в работах Ловинка. Опыт практической борьбы с государственной бюрократической и пенитенциарной системой имеет большую международную ценность и может оказаться чрезвычайно важным для дальнейшего развития Интернет-критики и определения допустимых и потенциально эффективных практик сопротивления общества коммерциализации и бюрократизации изначально «свободных» медиа.

Наступление новой эпохи, в которой уже нет новых медиа, могло бы быть проинтерпретировано в духе Ги Дебора: как логическое завершение формировавшегося ещё в 1970-е годы общества спектакля, в котором консьюмеристские настроения масс играют на руку бюрократическим государствам (как открыто капиталистическим, так и номинально

¹ Рождественский И. Картинка в закрытом альбоме. Как российские соцсети помогают сажать за репосты // Republic. цит. по URL: <https://republic.ru/posts/90477> (дата обращения: 30.04.2018).

социалистическим). В этом контексте нам кажется уместным привести цитату из наиболее известной работы Дебора – трактата «Общество спектакля», написанного в 1967 году: «Спектакль не есть необходимый продукт технического развития, рассматриваемого, конечно, как естественное развитие. Напротив, общество спектакля – это форма, которая сама выбирает свое техническое содержание. Рассмотрим спектакль в узком смысле "средств массовой информации". Mass media являются наиболее ярким и поверхностным проявлением спектакля. На первый взгляд, СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, очередное удобство – однако это новшество обернулось настоящим Троянским конём, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии. Если уж так вышло, что общественные нужды эпохи, в которую развивается подобная техника, могут быть удовлетворены лишь при помощи этой техники; если управление данным обществом и контакты между людьми больше не могут осуществляться иначе, как посредством мгновенной коммуникации, то это только потому, что "коммуникации" по сути своей стали односторонними. Концентрация "коммуникаций" есть, таким образом, накопление в руках власть предержащих существующей системы средств, которые позволяют им продолжать навязывать свой диктат. Всеобщее расслоение, создаваемое спектаклем, неотделимо от современного государства, т.е. от общественного расслоения, вызываемого разделением труда и прочих орудий классового господства»¹.

Пример, который приводит Ловинк для аргументации своего тезиса, в большей степени основывается на академической медиатеории – в частности, учёный отмечает, что сборник статей трёх нью-йоркских теоретиков новых медиа (*Excommunication* Александра Галлоуэя, Юджина Такера и Маккензи Уорка)

¹ Дебор Г. Общество спектакля. 1967. цит. по URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf> (дата обращения: 30.04.2018) С. 13.

открывается вопросом, по которому все трое имеют схожую точку зрения. «Одна вещь, которую разделяют все трое из нас – это желание, чтобы люди поменьше добавляли словосочетание "новые медиа" к уже существующим вещам. Медиа трансформативны... Медиация не добавляет ничего нового к списку тем, которые сегодня разбирают исследователи. Она изменяет сам процесс исследования».¹ Ловинк анализирует вышеуказанную книгу в марксистском ключе и приходит к выводу, что многие люди уже сегодня начинают чувствовать давление со стороны медиаплатформ и социальных сетей и удаляют свои аккаунты. «Социальные медиа без либидинозного драйва – это смертельно скучная рутина. Она ощущается как работа. Работа на кого? Игривые диалектики между анонимным вуайеризмом и эксгибиционистской демонстрацией селфи всё ещё являются драйверами для социальных медиа, но скорее всего это скоро закончится»². В этих условиях Ловинк призывает к переосмыслению позиции теоретика медиа, которая в последнее время была оккупирована журналистами и комментаторами. Эта смена ролей привела к тому, что практически вся критика в адрес современных медиа приводилась с позиций, заимствованных из других, смежных наук (чаще всего из социологического мейнстрима) – и оказалась беззубой, непродуктивной и неактуальной. Ловинк полагает, что сегодня «мы должны развивать культуру диссидентства (dissident knowledges): учиться сажать дроны, распознавать сенсоры, взламывать сервера, глушить GPS-сигнал, расстраивать Google, обманывая его базы данных и призывать к социализации дата-центров»³.

¹ Galloway A. R., Tacker E., Wark M. Excommunication: three inquiries in media and mediation . Chicago: The University of Chicago Press, 2014. Цит. по URL: <https://www.criticalsecret.net/IMG/pdf/excommunication.pdf> (дата обращения: 30.04.2018). С. 1.

² Lovink, G. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation, Cambridge and Malden: Polity, 2016. С. 134.

³ Ibid. С. 136.

Отметим, что в данном случае Ловинк также не изменяет своим марксистским корням: та позиция, которую он предписывает занять социальным медиа сегодня, звучит созвучно знаменитому 11 тезису Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹.

Другая причина размытия термина «новые медиа» по мнению Ловинка заключается в том, что обещания (светлого) будущего, с которым это понятие связывалось классиками медиаисследований, так и не сбылись. На наших глазах появляется множество новых технологий, оказывающих влияние на общество, однако несмотря на продолжающуюся дигитализацию, возникновение 3D-принтеров, работу над технологиями виртуальной реальности и применением блокчейна для решения различных задач, децентрализация, внедрение горизонтальных структур и иные типы трансформации социальных интеракций так и не начинают распространяться повсеместно. Технологии сбора и анализа Big Data не просто не дали толчок к возникновению гражданских социальных исследований – напротив, манипуляции с большими данными лишь расширили возможности спецслужб и корпораций для осуществления тотальной слежки и использования пользовательской информации в собственных экономических и политических целях. Закономерно, что итоговой точкой развития социальных сетей становится формирование централизованных платформ (таких, как, например, Facebook) – что, конечно, в корне противоречит неолиберальной мечте об Интернете, как о среде универсальной интеграции, в которой пользователи имеют и реализуют возможность выстраивать такие типы связей, которые в наибольшей степени соответствуют гуманистическим идеалам. Ловинк раскрывает свою точку зрения на эту проблему в недавнем интервью для сайта Colta.ru: «Сложилась странная ситуация: с одной стороны, централизация сетей

¹ Цит. по URL: <http://www.politpros.com/library/14/24/> (дата обращения: 30.04.2018)

в форме больших платформ, а с другой — масштабный ресентимент как реакция на эту централизацию. Но мы не должны поддерживать ни одну из этих опций»¹. По мнению исследователя, для решения проблемы недостаточно дожидаться развития технологий: «Мы должны изобрести новые формы социальности, новые формы совместной жизни. Нужно развивать спекулятивную сторону социального»². В своих исследованиях Ловинк подчёркивает важность концептуального осмысления политического аспекта развития технологий исследователями-гуманитариями, имеющими определённые технологические навыки. В *Social Media Abyss* Ловинк высказывает эту идею, продолжая полемику с Евгением Морозовым, которого исследователь считает талантливым критиком с большим потенциалом, чьи работы, впрочем, могут впечатлить только неподготовленного читателя, так как они лишены концептуальной глубины³. Ловинк пишет: «Я считаю, что нам нужно больше критически настроенных исследователей, которые воспринимают Интернет всерьёз и начинают получать представление о его функционировании изнутри, как технологии, Kulturtechnik, индустрии и политэкономической инфраструктуре, а не исключительно рассматривают его поверхностный популизм в культурологическом стиле. Технодетерминизм – это естественный этап на подобном исследовательском пути, тогда как более широкое понимание неолиберального общества (и его истории) остаётся другой жизненно важной основой [для подобных исследований]»⁴.

¹ Лебедев Д. Геерт Ловинк: «Платформы типа Facebook – это трагический момент» // Colta.ru. 2017. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/15900> (дата обращения: 01.05.2018).

² Ibid.

³ См. Lovink G. Evgeny Morozov attacks internet consensus single-handed URL: <https://www.opendemocracy.net/geert-lovink/eugene-morozov-attacks-internet-consensus-single-handed> (дата обращения: 01.05.2018).

⁴ Lovink, G. *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*, Cambridge and Malden: Polity, 2016. С. 40.

Критические исследования Интернета, таким образом, являются наиболее практикоориентированным подходом из разобранных нами в рамках данной исследовательской работы. Они имеют не только большой академический потенциал (что подтверждается регулярным появлением работ участников Института Сетевых Культур – их полный список можно найти на сайте <http://networkcultures.org/publications/>), но и большой политический потенциал – как теория, потенциально способная трансформировать общественные представления о медиа и коммуникации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках выпускной квалификационной работы нами были изучены труды современных теоретиков медиа, таких как Тён ван Дейк, Евгений Морозов, Ник Срничек и Геерт Ловинк, а также ряд сопутствующих материалов, позволяющих получить представление об истоках идей и основе методологии вышеупомянутых исследователей, современном научном дискурсе в сфере изучения новых медиа и коммуникации и методологических принципах критических медиаисследований.

Нам удалось выяснить, что на формирование идей данных исследователей (двое из которых – Евгений Морозов и Ник Срничек – являются представителями англосаксонских исследований, а двое других – Тён ван Дейк и Геерт Ловинк – могут быть отнесены к европейской или континентальной школе, что важно в контексте традиционного разделения философии на аналитическую и континентальную) оказала серьёзное влияние европейская политическая философия XX века. В работах этих теоретиков встречаются ссылки на работы таких философов, как Жан Бодрийяр, Жиль Делёз, Мишель Фуко, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер и других. Все эти философы прямо или косвенно оказали влияние на новейшие подходы к исследованиям в сфере коммуникации. Некоторые из них, как, например, Мишель Фуко и Теодор Адорно, оказали непосредственное влияние на методологию анализа – сформулировав концептуальные основания для современного критического дискурс-анализа. Другие, как Карл Маркс и марксисты начала XX века, предопределили общую линию критики – к примеру, критику с антикапиталистических позиций, которая представлена в анализе капиталистических платформ Ником Срничеком. Третьи, как Жан Бодрийяр, Делёз и представители структуралистского психоанализа, стали авторами положений, которые применяются для анализа современного состояния новых медиа Геертом Ловинком.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в работах современных теоретиков медиа единого метода исследования, унаследованного теорией медиа от философии, социологии и политических наук в XX веке. Для всех исследователей медиа, чьи работы были разобраны в данной выпускной квалификационной работе особенно важен политический аспект функционирования медиа. Изучая различные объекты, связанные с медиа (такие, как медиаплатформы, медиадискурс, дискурс государства о медиа и т.д.), Тён ван Дейк, Евгений Морозов, Ник Срничек и Геерт Ловинк стремятся не просто развить теорию медиа как научно-исследовательскую сферу, но вскрыть глубинные властные отношения, лежащие в основе функционирования медиа. В этом смысле они развивают линию критической теории Макса Хоркхаймера, связанную с критическим восприятием «самых категорий "лучшего", "полезного", "уместного", "продуктивного" и "ценного", в том смысле, в котором они понимаются в существующем порядке»¹ в связи с тем, что в их основании лежат ненаучные постулаты, спорить с которыми невозможно.

Важно отметить, впрочем, что помимо следования этой эпистемологической канве, теоретики медиа сегодня нередко апеллируют в рамках своих исследований к данным социологических и лингвистических исследований (как Тён ван Дейк), работам по экономике и различным экономическим показателям (как Ник Срничек), фактам из истории международных отношений и истории революций (как Евгений Морозов) и, конечно, к работам других академических исследователей (как Геерт Ловинк); все эти данные в конечном итоге оказывают влияние на гипотезы и выводы этих исследователей.

¹¹ Critical Theory: Selected Essays / Horkheimer, M., translated by Matthew J. O'Connell and others. New York: The Continuum Publishing Company, 2002. С. 207.

Взаимосвязь критической теории и теории медиа, обнаруженная в данной ВКР на примере анализа работ Тёна ван Дейка, Евгения Морозова, Ника Срничека и Геерта Ловинка, вероятно, может быть обнаружена и в работах других современных теоретиков медиа. Данная тема нуждается в дальнейшей разработке.

Немаловажно, что идеи вышеперечисленных теоретиков медиа являются довольно широко известными в западной коммуникативистике – этому способствует их распространение не только в научной среде, но и в различных изданиях, которые могут быть посвящены 1) непосредственно медиаисследованиям, технологиям и современному искусству (к примеру, такие издания и медиапроекты, как e-flux, Tactical Tech, Furtherfield, Ars Electronica, DigiCult, Rhizome, Neural), 2) гуманитарным наукам в целом (к примеру, Aeon, Theory, Culture and Society, испанский портал La Grieta, The Conversation, портал Critical Theory.com), 3) исключительно политике, и в том числе политике в Интернете (Dissent Magazine, Open Democracy).

К сожалению, на данный момент на российском медиарынке сегмент изданий, посвящённых медиаисследованиям, технологиям и современному искусству, практически пустует. За время написания данной ВКР появилось только одно медиа, напоминающие по своей концепции зарубежные издания из первой группы – портал Цифровой Дискурс (<https://discourse.digital/>). Издания второго типа существуют, однако представлены они в основном порталом Colta.ru. Издания третьего типа фактически отсутствуют, так как для российского медиарынка наиболее характерно возникновение политических изданий, описывающих политические процессы и новости внутри страны, а не площадок для обсуждения общих аспектов политической теории и глобальных политических процессов.

В то же время запрос на теоретические исследования медиа и Интернета у российского общества есть: об этом может свидетельствовать развитие и популярность каналов в мессенджере Telegram, посвящённых политическим, социологическим и критическим исследованиям Интернета. Примером тут могут служить такие каналы, как «Дайджест Антропоцена», «любим Интернет каждый день», «медиа и депрессия», «isqoos», «Канал им. Гоббса». Интересны также исследовательско-популяризаторские инициативы, такие как «клуб любителей Интернета и общества», регулярно организующий семинары и онлайн-школы и проводящий исследования Интернета с социологических позиций.

Сегодняшнее бурное развитие технологий способствует возникновению новых теорий, необходимых для их осмысления и продуктивной критики. В условиях избытка информации в Интернете пользователю становится всё сложнее отделить действительно важные и актуальные данные от информации, навязываемой ему техноэлитой, другими пользователями или политическими организациями. Для отделения действительно важных для общества теорий развития коммуникации необходимы площадки для освещения последних новостей в различных и в том числе смежных с исследованиями медиа областях. В России на сегодняшний день таких площадок, безусловно, недостаточно, что может негативно сказываться на темпах развития Интернет-исследований и исследований коммуникации. Тем не менее, у России есть большой потенциал, связанный с 1) запросом общества на информацию о новых подходах к осмыслению медиа и коммуникаций 2) общественно-политической ситуацией, в которой россияне вынуждены отстаивать своё право на пользование теми или иными технологическими платформами перед лицом государства. Оба этих фактора являются катализаторами научного развития в сфере исследований коммуникаций в современной России, и нам хотелось бы надеяться, что данное

исследование также вдохновит начинающих исследователей продолжать свои разработки в этой далеко не исчерпанной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барлоу, Джон Перри Манифест независимости киберпространства цит. по URL: <http://www.dnn.ru/indep.htm> (дата обращения - 21.03.2018).
2. Волков Леонид Проект «Движок»: армия ботов Сергея Собянина URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/114/> (дата обращения – 25.03.18)
3. Геерт Ловинк: «Платформы типа Facebook – это трагический момент» URL: <http://www.colta.ru/articles/society/15900> (дата обращения: 01.05.2018).
4. Дебор Ги Общество спектакля цит. по URL: <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/gi-debor-obschestvo-spektaklya.pdf> (дата обращения: 30.04.2018)
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — 4-е изд. — М.: Кучково поле, 2017. — 464 с.
7. Маркс Карл 11 тезисов о Фейербахе Цит. по URL: <http://www.politpros.com/library/14/24/> (дата обращения: 30.04.2018).
8. Маркс Карл Капитал Т.1 гл. 19, С. 566 приводится по URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1-19.html#p561> (дата обращения: 23.04.2018).
9. Морозов, Евгений Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Евгений Морозов; пер. с англ. И. Кригера. – Москва : АСТ : CORPUS, 2014.
10. Новая философская энциклопедия, статья ДИСКУРС // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01bef374b672aabdae2e9dbe?p.s=TextQuery> (дата обращения – 03.12.2017).
11. Политика. Толковый словарь. — М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2001. Цит. по URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3785/КРИТИЧЕСКАЯ> (дата обращения: 01.05.2018).
12. Рождественский Илья Картинка в закрытом альбоме. Как российские соцсети помогают сажать за репосты цит. по URL: <https://republic.ru/posts/90477> (дата обращения: 30.04.2018).
13. Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. - 416 с.

14. Тён А. ван Дейк Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
15. Фуко Мишель. ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.
16. Burson-Marsteller. 2016. “Net Display Ad Revenues Worldwide, by company 2014-2016” URL: <http://www.primaonline.it/wp-content/uploads/2016/03/twitter-ad-share1.jpg> (дата обращения: 02.05.2018).
17. Castells Manuel The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2003.
18. Chen Adrian The Laborers Who Keep Dick Pics and Beheadings Out of Your Facebook Feed URL: <https://www.wired.com/2014/10/content-moderation/> (дата обращения: 22.04.2018).
19. Curtis Adam Hypernormalisation Фильм доступен по ссылке URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fh2cDKyFdyU> (дата обращения – 21.03.2018).
20. Deripaska chooses familiar ground to fight lawsuit against escort URL: <https://www.ft.com/content/487ccb80-26a7-11e8-b27e-cc62a39d57a0> (дата обращения – 25.03.18).
21. Fairclough Norman Language and Power, Published in the United States of America by Longman Inc., New York © Longman Group UK Limited 1989, С. 1. Цит. по URL: http://www.npu.edu.ua/%21e-book/book/djvu/A/iif_kgpm_Fairclough_Language_and_Power_pdf.pdf (дата обращения - 03.12.2017).
22. Galloway Alexander R., Tacker Eugene, Wark McKenzie Excommunication : three inquiries in media and mediation / The University of Chicago Press, Chicago 60637 The University of Chicago Press, Ltd., London © 2014 by The University of Chicago. Цит. по URL: <https://www.criticalsecret.net/IMG/pdf/excommunication.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
23. Horkheimer, M. Critical Theory: Selected Essays translated by Matthew J. O'Connell and others. New York: The Continuum Publishing Company, 2002.
24. Jourdan Adam, Ruwitch John Uber losing \$1 billion a year to compete in China URL: <https://in.reuters.com/article/uber-china/uber-losing-1-billion-a-year-to-compete-in-china-idINKCN0VR1M9> (дата обращения: 24.04.2018).
25. Kittler, Friedrich A. [Grammophon Film Typewriter. English] Gramophone, film, typewriter / Friedrich Kittler ; translated, with an introduction, by Geoffrey Winthrop-Young and Michael Wutz, Stanford University Press, Stanford, California, 1999.

26. Lovink Geert Evgeny Morozov attacks internet consensus single-handed URL: <https://www.opendemocracy.net/geert-lovink/eugene-morozov-attacks-internet-consensus-single-handed> (дата обращения: 01.05.2018).
27. Lovink, Geert The ABC of Tactical Media URL: <http://www.nettime.org/Lists-Archives/nettime-1-9705/msg00096.html> (дата обращения: 01.05.2018).
28. Lovink, Geert. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation, Cambridge and Malden: Polity, 2016.
29. Mason Will Oculus 'Always On' Services and Privacy Policy May Be a Cause for Concern (Updated) URL: <https://uploadvr.com/facebook-oculus-privacy/> (дата обращения: 24.04.2018).
30. McKinsey and Company: Global Media Report 2015. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/dotcom/client_service/Media%20and%20Entertainment/PDFs/McKinsey%20Global%20Report%202015_UK_October_2015.ashx (дата обращения: 24.04.2018).
31. Pfeifle, Mark A Nobel Peace Prize for Twitter? URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2009/0706/p09s02-coop.html> (дата обращения: 21.03.2018)
32. Srnicek Nick Platform Capitalism Cambridge, UK ; Malden MA : Polity Press, 2016.
33. Twitter Is a Player In Iran's Drama, Washington Post URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/16/AR2009061603391.html> (дата обращения – 21.03.2018)
34. Zuboff Shoshana Big other: surveillance capitalism and the prospects of an information civilization Journal of Information Technology (2015) 30, С. 79. — URL: <http://cryptome.org/2015/07/big-other.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).
35. URL: <http://www.e-flux.com/>
36. URL: <https://www.furtherfield.org/>
37. URL: <http://digicult.it/>
38. URL: <https://www.aec.at/news/>
39. URL: <http://neural.it/>
40. URL: <http://rhizome.org/>
41. URL: <https://aeon.co/>
42. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/>
43. URL: <http://lagrietaonline.com/>
44. URL: <https://theconversation.com/uk>
45. URL: <http://www.critical-theory.com/>

- 46.URL: <https://www.dissentmagazine.org/>
- 47.URL: <https://www.opendemocracy.net/>
- 48.URL: <http://www.colta.ru/>